

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1:070:32
doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84

Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края
и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001*

Александр Юрьевич Горбенко

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
660049, Россия, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89. al_gorbenko@mail.ru

SPIN-код: 7279-9864

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

ResearcherID: ABE-8533-2020

Викентий Владимирович Чекушин

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и литературоведения
Сибирский федеральный университет

660041, Россия, г. Красноярск, просп. Свободный, 82а. vikesha@bk.ru

SPIN-код: 9046-3576

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

ResearcherID: AAY-5954-2020

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Одобрена после рецензирования 23.09.2022

Принята к публикации 07.11.2022

Информация для цитирования

Горбенко А. Ю., Чекушин В. В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 75–84. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструировать систему идеологических импликаций журнала «Сибирские записки», издававшегося с 1916 по 1919 г. в Красноярске последователем «старших» областников Вл. М. Крутовским. Одной из главных целей Крутовского была консолидация местной интеллигенции для решения общественно-политических вопросов сибирского региона. В отличие от большинства других сибирских изданий того времени, в первом номере «Сибирских записок» не содержалось программного манифеста. Именно поэтому для реконструкции идеологических подтекстов был привлечен весь корпус материалов журнала, рассмотренного в качестве метатекста. В начало первого номера было помещено анонимное стихотворение «В горах еще мороз алмазными цепями...», которое можно считать метафорической «заменой» программной статьи. Последняя строфа произведения открывается образом сеятеля, отсылающего читателя к двум классическим претекстам: пушкинскому стихотворению «Свободы сеятель пустынный» и Некрасовскому «Сеятелям». Однако если у Пушкина сеятель безоговорочно пессимистичен, а у Некрасова безрадостная картина настоящего в финале сменяется оптимистическим прогнозом, не локализованным в конкретном времени, то в произведении автора «Сибирских записок» выражена уверенность в том,

что «посевы» просвещения «взойдут» уже «грядущей весной». Ожидание скорых социокультурных перемен обуславливает эксплуатацию и «весенней» метафоры – этот корпус образов регулярно встречается в фикциональных текстах. В неизбежность реформ, которые в ближайшем будущем приведут к улучшению жизни региона, верили и авторы публицистических текстов, однако с начала 1918 г. взгляды авторов журнала претерпевают существенные изменения.

Ключевые слова: журнал «Сибирские записки»; Вл. М. Крутовский; сибирское областничество; метатекст; идеологические импликации.

«Старшее» поколение сибирского областничества (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков и др.) поставило целый ряд значимых и болезненных вопросов, касающихся широкого спектра проблем родного для него региона. Как хорошо известно, один из ключевых вопросов касался необходимости формирования самостоятельной сибирской интеллигенции, которая была бы способна решать насущные проблемы социально-политического характера – такие, например, как штрафная колонизация в Сибири, организация земства и т. д. (хорошо известные пять областнических «вопросов»). С учетом литературоцентризма отечественной культуры (главная фаза которого пришлась на XIX столетие), логично, что одним из ключевых инструментов в этом процессе лидеры «старшей» ветви сибирского патриотизма видели словесность (в широком смысле, а не только художественную литературу, которую они называли «беллетристической»¹), в первую очередь газету, а позднее – журнал.

Обсуждение вопроса о том, насколько решение этой амбициозной задачи оказалось под силу «старшим» областникам, находится за пределами нашей статьи, однако о неудовлетворенности самих «сибирских патриотов» ситуацией можно судить совершенно определенно. Приведем один из множества имеющихся примеров. Уже в XX в., в октябре 1909 г., когда многих соратников Потанина уже попросту не было в живых, он писал сибирской поэтессе и своей будущей второй жене М. Г. Васильевой о том, что «<...> об открытии кружка [речь идет о литературно-артистическом кружке. – А. Г., В. Ч.] убивался, хлопотал именно затем, чтобы создать почву, на которой сибирская молодежь могла встречаться с профессорами и слушать их не только тогда, когда они говорят с эстрады» [Потанин, Васильева 2004: 198]. Иными словами, Потанин, прибегая к излюбленному сибирскими интеллигентами арсеналу биолого-органицистской метафоры², с горечью констатировал отсутствие демократически устроенных практик коммуникации «сибирской молодежи» и «профессоров». Напомним, что в это время Потанин жил в Томске, который сам характеризовал как «умственн[ую] столиц[у] Сибири» (цит. по: [Томск 1999: 137]). Приведен-

ная цитата свидетельствует о существовавшем дефиците консолидированных общими сибирфильческими идеями интеллектуальных сил даже в Томске, не говоря о других, менее развитых сибирских городах, тем более о такого рода консолидации сил, которая охватывала бы весь чрезвычайно обширный регион.

Яркой попыткой восполнить этот дефицит стало создание журнала «Сибирскія записки»³ (далее – *СЗ*), который был организован в Красноярске в 1916 г. врачом, общественным деятелем, публицистом, младшим последователем Ядринцева и Потанина (а также довольно близким другом последнего) Вл. М. Крутовским⁴. *СЗ*, редакция которых находилась в доме Крутовского, просуществовали до конца 1919 г., после чего были закрыты большевистской властью. Всего вышло 20 номеров: в 1916 и 1918 гг. – по четыре номера, в 1917 и 1919 гг. – по шесть.

В письме к Потанину от 27 февраля 1916 г. Крутовский характеризовал свой вклад в работу журнала так: «Вся контора, редакция и состав <...> журнала – это я один. Я и секретарь, я и сторож, и разносчик, и экспедитор, и писатель, и редактор» [Броднева 2014: 128]⁵. Иными словами, издатель определял редакционную политику журнала и в то же время являлся его активным автором и неутомимым администратором.

Безусловно, от журнала, издававшегося «младшим» областником Крутовским, логично было бы ожидать того, что это будет журнал «с направлением». Тем более показательно, что в первом номере, увидевшем свет в январе 1916 г., отсутствовала программная («передовая») статья либо обращение «От редактора» или «От издателя», которые могли бы содержать изложение взглядов и планов его создателей.

Такого рода дефицит был нетипичен для сибирских журналов, издававшихся в 1910-е гг.⁶ Ограничимся двумя примерами, взятыми из массы имеющихся⁷. Редакция другого красноярского журнала «Сибирская деревня», имевшего подзаголовки «Сельско-Хозяйственный, Кооперативный и Экономический», в самом начале первого номера заявляла о своих культуртрегерских целях (используя привычную для сибирской словесности метафору) – «броса[ть] в темную глушь сибирской деревни лучи столь необходи-

маго ей свѣта», «получая отъ нея от матеріаль, который такъ дорогъ ему для правильнаго освѣщенія ея нуждъ» [Редакция 1913: 2].

Дебютный номер томского журнала «Сибирскій Студентъ», который имел подзаголовок «литературный и общественно-политический журнал» и начал печататься в мае 1914 г., открывался редакционной статьей. В этой статье ключевая задача сибирской университетской молодежи, которая, по мнению редакции, должна была взять на себя работу по улучшению жизни региона, обозначалась так: «<...> необходима пропаганда организациі разрозненныхъ студенческихъ силъ на почвѣ подготовленія къ будущей общественной дѣятельности и посильнаго изученія родины, выявленія ей [sic! – А. Г., В. Ч.] нуждъ, потребностей широкихъ народныхъ массъ и изысканія путей и способовъ “устроенія жизни родного края» [Редакция 1914: 5]. После этого шло подробное перечисление стоящих перед журналом задач.

Отсутствие схожей с приведенными примерами изложения собственной программы в СЗ тем более показательно (и контрастно по отношению к обилию разного рода манифестов, созданных «старшими» областниками), если учесть, что Крутовский делал упор на трансляцию со страниц своего журнала именно областнических идей. Так, 11 апреля 1916 г. он с удовлетворением писал активно сотрудничавшему с СЗ Потанину о другом авторе журнала – Н. Н. Козьмине: «Вот теперь по моей просьбе он и приготовил мне статьи об областничестве и, так сказать, даст солидное обоснование этому направлению, которое я ставлю в 1-й угол моего издания» [Броднева 2014: 131]. В самом деле, один из разделов СЗ получил название «Областной отдел», а сам Крутовский регулярно помещал в журнале ряд важных и в структурном, и в идейном отношении «Областных обозрений», выходявших под криптонимом В. К. К этим работам создателя журнала примыкали труды по истории областничества, принадлежавшие перу его родного брата Вс. М. Крутовского, а также уже упомянутого Н. Н. Козьмина. Кроме того, в СЗ был напечатан целый корпус сочинений «старших областников», состоявший не только из статей довольно активно сотрудничавшего с журналом Г. Н. Потанина. В СЗ републиковались также некоторые программные статьи Н. М. Ядринцева, а с самого первого номера издания по третий номер за 1917 г. включительно (а также в некоторых номерах и в дальнейшем) в нем по «сериальному» принципу печатались письма Ядринцева к Потанину, ставшие структурным эквивалентом романа (за все четыре года суще-

ствования СЗ в них не было напечатано ни одного произведения этого жанра, что, безусловно, было нетипично для отечественного «толстого» журнала). Наконец, в «Хронике областного движения в Сибири» в начале 1919 г. создатель журнала аттестовал его как «орган и еженедельник» Красноярского союза областников-автономистов. По заявлению Крутовского, журнал «имѣл весьма значительный успѣх среди сельскаго населенія Енисейск. губ.» [В. К. 1919. № 1: 75].

Полемизируя с другими исследователями сибирского областничества, описывающими его как влиятельное общественно-политическое движение, В. И. Шишкин, настаивает на том, что «<...> в концептуальном плане областничество так и не сложилось в систему взглядов, а в организационном отношении до осени 1917 года оно никогда не достигало уровня общественно-политического движения хотя бы регионального масштаба» [Шишкин 2016: 48]. По мнению Шишкина, «большую часть времени сибирское областничество существовало лишь в вербальном виде. Но даже в этом своем качестве оно представляло собой слабо агрегированный набор эмпирических представлений, взглядов и суждений, которые даже лидеры областничества незамысловато именовали всего лишь “сибирскими вопросами”» [там же: 48–49]. Не останавливаясь на содержащихся в этой оценке упрощениях, отметим, что, на наш взгляд, необходимо дифференцировать 1) областничество (прежде всего его «старшую» генерацию) как общественно-политический (а также литературно-критический, эстетический и т. д.) дискурс и 2) областничество как институционализированное «общественно-политическое движение». При таком разграничении стоит признать, что мы действительно едва ли можем говорить об областничестве (понятом в качестве совокупности институционализированных практик) как о сложившемся и успешном, влиятельном феномене, тогда как областнический дискурс вполне сформировался в корпусе трудов «старших» сибирских патриотов, прежде всего Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева⁸.

По словам Б. А. Чмыхало, «“поздние” областники, увлеченные политическими аспектами движения, не обнаруживали большой самостоятельности в разработке проблем “сибирской литературы”». Они лишь комментировали и умеренно модернизировали то, что было заявлено по этому поводу Ядринцевым и Потаниным» [Чмыхало 1992: 165]⁹.

Наконец, отсутствие программных выступлений неверно было бы объяснять цензурными препонами. Любопытно, что в заключительном

номере журнала (который, впрочем, не планировался в качестве такового¹⁰) помещено обращение «От редакции», в котором говорится об отсутствии предварительной цензуры журнала до последнего времени: «Четыре года “Сиб. Зап.” Пользовались свободой печати: при Николаѣ II, при Врѣм. Прав., при Совѣтской власти и ни разу не подвергались никакому замѣчанію или карѣ. Почему теперь журнал отдан предварительной военной цензурѣ – нам неизвѣстно и ничего не объявлено» [Редакция 1919: 115]¹¹.

Итак, в силу разных причин идеологическая программа важнейшего сибирского журнала нигде не была сформулирована эксплицитно, но в то же время двадцать вышедших номеров *СЗ* содержали в себе существенный массив идеологических подтекстов (сложившихся во вполне стройную систему). Не претендуя на исчерпывающий анализ, мы постараемся реконструировать его важнейшие элементы, рассматривая журнал в качестве метатекста¹². Материалом для такой реконструкции послужит весь корпус номеров *СЗ*, прочитанных «насквозь».

Дополнительное основание для такого подхода дает тот факт, что редактор журнала объединял под его обложкой авторов, которых без особой натяжки можно было бы назвать единомышленниками. Как справедливо отмечает Б. А. Чмыхало, печатавшиеся в *СЗ* литераторы «привлекались к сотрудничеству далеко не случайно и даже не в силу безусловного организаторского таланта Крутовского. Содержание литературного отдела “Сибирских записок” – это следствие определенной политики “поздних” областников в области “художества”» [Чмыхало 1992: 160].

В этом смысле исключительно важен тот порядок, в котором располагались слова, составлявшие подзаголовок издания: «“Сибирскія записки”: журнал литературный, научный и политическій». Этот порядок слов имплицитно, но абсолютно недвусмысленно свидетельствовал о том, что в журнале доминировала именно литературная составляющая.

Уже в первом номере *СЗ* содержался художественный текст, который можно считать метафорической «заменой» программной статьи. Речь идет о стихотворении, помещенном в самое начало номера и напечатанном без подписи. Остановимся подробнее на его последней строфе, которую открывает образ сеятеля, вне сомнения, навеянный А. С. Пушкиным: «Выходить сѣятель. Увѣренной рукою // Бросаетъ зерень дождь на грудь земли родной. // И вѣрит сѣятель: – зеленою волною // Взойдетъ посев его грядущею весной...» [Б. п. 1916: 1]. Такое прочтение стихотворения поддерживается не только

фигурой сеятеля, но и наличием других элементов пушкинской топики – «мороза» и «солнца» – уже в его первой строфе: «Въ горахъ еще морозъ алмазными цѣпями // Пытается сберечь свою былую власть, // Но солнце ласку шлет горячими лучами, // И шествуетъ весна могучая, какъ страсть» [там же]. И в то же время анонимное сибирское стихотворение является отчетливо полемическим по отношению к своему претексту.

Если пушкинский сеятель констатирует трагическую обреченность своих попыток дарования свободы, единственным результатом которых становится лишь «потеря времени», то герой сибирского стихотворения «[б]росаетъ зерень дождь на грудь земли родной» «увѣренной рукою» и убежден, что «зеленою волною // Взойдетъ посев его грядущею весной...».

Если учесть еще один несомненный источник анализируемого текста – стихотворение Н. А. Некрасова «Сеятелям» (1876), – картина станет еще более определенной. В таком случае динамическая линия рецепции и трансформации евангельского по своему генезису образа сеятеля выглядит следующим образом. У Пушкина сеятель, являющийся лирическим героем, безоговорочно пессимистичен. У Некрасова, стихотворение которого императивно обращено к сеятелям, безрадостная картина настоящего в финале сменяется оптимистическим прогнозом («Сейте! Спасибо вам скажет сердечное // Русский народ...» [Некрасов. Т. 3: 179]). В произведении автора *СЗ*, где сеятель является персонажем, уверенность укоренена в ближайшем будущем: вновь вспомним его убежденность в том, что «зеленою волной / Взойдет посев его грядущею весной» (в отличие от некрасовского текста, здесь работа сеятеля принесет плоды не когда-либо, а в ближайшем будущем – «грядущею весной»).

Наконец, у Пушкина метафора бесплодной почвы имеет универсальный характер (т. е. *вообще* бесплодной почвы, лишенной какой бы то ни было национально-географической привязки). У Некрасова, проблематизирующего ее «бесплодность», уже задан национальный масштаб («Спасибо вам скажет сердечное *Русский* народ...»). Автор *СЗ*, как нам представляется, продолжает эту тенденцию уменьшения масштаба. Здесь почвой для деятельности сеятеля оказывается, по всей вероятности, Сибирь: он «[б]росаетъ зерень дождь на грудь земли *родной*».

Теперь обратимся к стихотворению К. К. Худякова «Утро первого сева», опубликованному в первом номере журнала за 1918 г. В его последней строфе деятельность деда-сеятеля описана так: «С дѣтской вѣрой, наивно-упорной, //

С вѣрой в лихву сторицею мзды // За простые святые труды, // Из руки заскоружлой и черной // В черноземную глубь борозды // Заронились отборныя зерна...» [Худяков 1918: 22]. Сразу оговоримся, что здесь тема сеятеля как просветителя если и есть, то в гораздо менее явном виде, нежели в предыдущих примерах. Вместе с тем публикация стихотворения в *СЗ*, хронологический контекст и безусловная его включенность в очерченную парадигму стихов о «посеве как просвещении» в русской поэзии XIX–XX вв. дают все основания рассматривать это произведение в нашей перспективе, пусть и в несколько ином ключе.

У Худякова пахарь, в отличие от некрасовских сеятелей, по-пушкински сеет «отборныя зерна» (ср. «живительное семя») и при этом «наивно–упорно» верит в «непушкинский» результат своих трудов. В цитируемой выше третьей строфе Худяков сохраняет синтаксис пушкинского претекста (инверсия и два примыкающих к существительному «рука» эпитета), но несколько переинтерпретирует его семантику, заменяя романтический по своему генезису конфликт обладающего «рукою чистой и безвинной» сеятеля и толпы (в данном случае – «стада») более ранним, скорее руссоистским образом «руки заскоружлой и черной» благородного труженика: «Из руки заскоружлой и черной» вместо «Рукою чистой и безвинной» (как это было у Пушкина)¹³.

К этой же группе произведений примыкает напечатанное во втором номере журнала за 1919 г. металитературное стихотворение Н. Щеглова «Сибирская поэзия» [Щеглов 1919: 22], в котором тема урожая сужается, полностью совпадая с результатами поэтического труда. При этом «мятежный расцвет» сибирской поэзии должен совпасть по времени с приходом весны, которая в этом стихотворении, судя по всему, означает время не только культурного преобразования, но и политических перемен. Позволим себе привести это стихотворение целиком как по причине его малой известности, так и в силу его концептуальной важности:

Она еще робка, она еще бѣдна,
Она еще–бредет избитыми тропами,
Но–как в сырой землѣ тучнѣют сѣмена
И всходят по веснѣ прекрасными цветами,—
Так и она в свой час,—когда придет весна,—
Мятежно расцвѣтет пылающим жар цвѣтом...
Пусть мрак еще глубок, пусть ночь еще темна,
Но уж близка заря и мрак–перед разсвѣтом!

Топика пушкинского стихотворения возникла не только в «литературной» (а именно стихотворной) части *СЗ*. Так, в «Областном обозрении», помещенном в сдвоенном (4–5) номере

журнала за 1917 г., Вл. М. Крутовский с горечью задается вопросом: «Были объявлены драгоценные дары *свободы* [курсив автора. – А. Г., В. Ч.]: свобода личности, свобода слова, свобода печати, неприкосновенность жилища и др. И что же? Во что вылились эти всѣ новоявленные свободы?» [В. К. 1917: 111]. Есть все основания считать выделение курсивом слова «свободы» не только средством, с помощью которого Крутовский акцентирует важную для этой части обозрения категорию, но и сигналом интертекстуальной связи с важнейшим для издаваемого им журнала пушкинским претекстом¹⁴.

Образ сеятеля, безусловно, стал одним из ключевых автоописательных тропов *СЗ*. Именно он, уже и сам по себе щедро наделенный семантикой бескорыстного «просвещения», подвижничества на благо родного края, в отсутствие эксплицированной программы журнала, получил дополнительную смысловую и символическую нагрузку. Этот троп оказался в числе стержневых, инвариантных единиц, «несущих конструкций» журнала как метатекстуальной структуры. Он, несомненно, коррелировал с интенсивно используемой авторами журнала для манифестации идеологических и политических смыслов природной и/или органицистской метафорикой. Остановимся на нескольких показательных и выразительных примерах. В стихотворении В. Кручинина «Такмакъ» состояние скалы метонимически передает социально-политическую ситуацию в стране: «Онѣ [Такмакъ – А. Г., В. Ч.] въ раздумьи стоять надъ желѣзнымъ мостомъ // И кому то грозить своимъ грознымъ перстомъ. // А кругомъ на него жадно смотреть въ упоръ // Безконечная цѣпь окружающихъ горъ, // Словно ждѣть, что: вотъ – вотъ отъ волшебнаго сна // Онѣ проснется, а съ нимъ и родная страна; // И тогда то... тогда только сбудутся сны // О безбѣдномъ житьѣ, о расцвѣтѣ страны!» [Кручинин 1917: 98]. Более того, у Кручинина именно пробуждение сибирского Такмака должно было стать импульсом к началу «расцвета» всей страны, что автоматически выводит Сибирь из положения периферийного региона империи, делая ее источником и центром чаемых социально-политических перемен.

Тема сна станет центральной в стихотворении Ф. Филимонова, носящем характерное название «Весна» и опубликованном в третьем номере журнала за 1917 г., который вышел вскоре после Февральской революции:

Вы мнѣ говорили: «Такъ дни некрасны,
Я жду за потерей–потерю;
Давно я не вѣрю въ волшебные сны,
И въ грезы – и въ сказки не верю».

«Не въ сказки и сны этотъ миръ погружен.
Мнѣ слушать о грезахъ, забавно»...

А развѣ не грезы, не сказка, не сонъ—
Все то, что случилось недавно?!
[Филимонов 1917: 13]¹⁵.

Если наше прочтение подтекстов этого стихотворения верно, то несомненно, что на конфигурацию образа весны здесь повлияли именно события Февральской революции, происходившие в конце зимы – начале весны. Лирический субъект стихотворения называет «сном» происходящие в стране парадигмальные социокультурные изменения, описание которых закамouflировано под диалог с неназванным адресатом. При этом, в отличие от кручининского «Такмака», где сон трактуется как оцепенение, которое необходимо сбросить, здесь описаны «сны наяву», фантазии, которые «недавно» начали воплощаться в реальной жизни.

Ряд подобного рода примеров без труда может быть существенно расширен, однако приведенных, как кажется, достаточно, чтобы заключить, что центральными для манифестации идеологической программы журнала *СЗ* стали два ряда элементов. Первый – образ сеятеля, глубоко укорененный в контексте русской литературы¹⁶, и связанный с ним мотивный комплекс. Ключевыми отличиями трактовки фигуры сеятеля авторами журнала от «столичных» претекстов стали сужение его поля деятельности, ограниченно-го Сибирью, а также преисполненность надеждой на скорые результаты культуртрегерской деятельности. Второй – весна, ставшая одной из важнейших метафор, описывающих неизбежность грядущих социокультурных перемен в Сибири, которые положат начало переменам в общеимперском масштабе. Природная образность будет эксплуатироваться и в последние два года существования *СЗ* (1918–1919), однако ее идеологическая нагрузка заметно изменится после Октябрьской революции и «[к]рушені[я] Сибирской Областной Думы» [В. К. 1918а: 58]. Изменениям идеологических подтекстов журнала, произошедшим в 1918–1919 гг., будет посвящена специальная статья.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: [Чмыхало 1992].

² К. В. Анисимов и А. И. Разуvalова отмечали «значимост[ь] органицистских (климатических и этнологических) построений в областническом наследии <...>» [Анисимов, Разуvalова 2014: 79], однако специально этих «построений» не анализировали, поскольку это не входило в их задачу. Подробному исследованию этого пласта

метафорики сибирских областников один из авторов настоящей статьи планирует посвятить специальную работу.

³ При цитировании *СЗ* (и других журналов) мы придерживаемся текстологического решения, которое, вероятно, требует объяснения. Мы сохраняем и орфографию, и пунктуацию источников, следуя принципам текстологической работы, предложенным и самым тщательным образом обоснованным в новаторских работах выдающегося филолога М. И. Шапира, поддержанным рядом его коллег, прежде всего пушкинистов: И. А. Пильщиковым (в соавторстве с которым написаны некоторые труды Шапира), Н. В. Перцовым [Перцов 2008]; [Перцов, Пильщиков 2011], И. Г. Добродомовым [Добродомов, Пильщиков 2008]. По афористически точной формулировке М. И. Шапира, «письменный, зрительный образ текста входит в его поэтику» [Шапир 2015: 147]. Согласно Шапиру, модернизация текста ведет к недопустимому, особенно в научных изданиях, искажению и семантики, и синтактики, и прагматики последнего (подробнее см.: [Шапир 2000], [Шапир 2009] и др.). Дополнительной причиной сохранения всех возможных особенностей материалов *СЗ* стало наличие довольно существенного количества ошибок и опечаток, обнаруживающихся на страницах журнала (в чем отдавали себе отчет его создатели, периодически сообщая об этих недочетах в обращениях «От редакции»). Текстолог же, как и всякий, кто имеет дело с анализом произведений, написанных с помощью старой орфографии, львиная доля которых к тому после этого не переиздавалась, едва ли должен брать «на себя обязанности корректора» [Шапир 2015: 149], хотя такая практика и широко распространена. Наконец, в *СЗ* регулярно встречаются разночтения, подчас весьма существенные, в названиях материалов: в содержании представлен один вариант заглавия, в основном тексте номера – другой; в списке литературы к нашей статье везде приводятся первые версии заглавий.

⁴ Одним из инвариантов журнала с самого начала стала тема консолидации (кооперации, объединения, организации) разрозненных (разобщенных, «распыленных») сил. Так, идеологическим ядром первого номера (как и практически всех остальных номеров) «Сибирских записок», несомненно, был «Областной отдел», в состав которого, в числе прочего, вошли программная статья Потанина «Изъ недавняго прошлаго» [Потанин 1916], а также очерки Д. И. Илимского, носящие характерное название «Отъ распыленности къ организаціи» и имевшие подзаголовок «Очерки сибирской кооперации» [Илимский

1916]. О необходимости кооперации говорил в этом же номере и К. И. Морозов, обсуждавший в статье «Текущая жизнь» (тоже включенной в «Областной отдел») причины возникшей в Российской империи во время Первой мировой войны «дороговизны» и приходивший к выводу о том, что «[д]ля правильной <...> постановки борьбы с дороговизной, принцип общественности должен быть руководящим во всех мероприятиях, и только тогда можно говорить о возможности планомерной организации и правильно построенных планах» [Морозов 1916: 137]. Этот тематический вариант пронизывает все номера СЗ, с той оговоркой, что на втором этапе существования журнала (1918–1919 гг.) идея объединения и консолидации соединяется с горечью авторов от упущенных возможностей и несбывшихся надежд на их осуществление.

⁵ Ср. в написанном рукою Крутовского обращении «От редакции», помещенном в первом номере за 1919 г.: «<...> редактором и издателем “Сибирских Записок” все время с первого и до послѣдняго дня состоял В. М. Крутовскій и никто другой. Никакого редакціоннаго коллектива не было, а при журналѣ был очень малочисленный кружок друзей сотрудников, которые не оставляют журнал и теперь» [Редактор 1919: 2].

⁶ Кроме того, вспомним, что журнал существовал в эпоху, которую можно назвать «эпохой манифестов», создававшихся самыми разными литературными, политическими и другими силами.

⁷ Мы ограничиваемся теми изданиями, в названиях которых, как и в случае «Сибирских записок», есть эпитет «сибирский», а значит, обращенность к кругу «местных» вопросов манифестирована уже на уровне заглавия. Одновременно с этим взяты совершенно разноплановые по содержанию издания.

⁸ Показательно, что, аргументируя свой тезис, В. И. Шишкин не различает дискурсивный и практический аспекты: «Одни из них довольно объективно отражали реальное положение сибирской окраины в составе Российской империи в ее недавнем историческом прошлом и настоящем, другие являлись футуристическими мечтаниями и ожиданиями, плохо коррелировавшими с действительностью, возможностями и перспективами развития России начала нового, XX века» [Шишкин 2016: 49].

⁹ По мнению исследователя, «некотор[ым] исключение[м]» можно считать статью К. Дубровского «И. В. Оммулевский и его “Шаг за шагом” (По поводу 75-летия со дня рождения)» [Чмыхало 1992: 165], в которой содержится принципиальная полемика с ключевой для литературно-критического дискурса «старших» областников

работой Г. Н. Потанина «Роман и рассказ в Сибири» (1876).

¹⁰ На последней странице оказавшегося последним шестого номера за 1919 г. помещено объявление: «Открыта подписка на 1920-й год (5-й год издания) на литературный, научный и политический журнал “Сибирские Записки”».

¹¹ Хотя цензурное давление на журнал, безусловно, оказывалось. Например, в четвертом номере за 1918 г. Крутовский отмечал, что авторы журнала имели возможности писать о «самоубійств[е] Сибирск[ой] Областн[ой] Дум[ы]» и прекратившей свое существование «Сибирск[ой] автономі[и]», «так как вмѣстѣ с сибирской автономіей погибла и свобода сибирской печати. Мы можем сослаться сейчас лишь на официальные сообщенія, не касаясь даже правдивости истинной фактичности послѣдних» [В. К. 19186: 90].

¹² Мы основываемся на понимании метатекстовых структур, предложенном В. С. Киселевым. См.: [Киселев 2006]. Необходимо оговориться, что исследователь работал с более ранними периодами развития русской литературы, однако предложенный им подход представляется релевантным и в нашем случае.

¹³ Ср. также «В черноземную глѣбь борозды» у Худякова и «В порабощенные бразды» у Пушкина [Т. 2: 145].

¹⁴ Ср. повтор «пушкинской» пары «дары свободы» / свобода как дар в следующем же предложении: «Свобода личности явилась даромъ только для лицъ, близко стоящихъ къ комитетамъ и партійнымъ организаціямъ» [В. К. 1917: 111].

¹⁵ Из приведенных примеров хорошо видно, что стихотворная продукция «Сибирских записок», как правило, эксплуатировала топику, которую К. В. Анисимов удачно назвал «[т]ранслирующ[ей]ся “из центра” номенклатур[ой] стереотипных образов Сибири» [Анисимов 2006. С. 141] и которую подвергали резкой критике Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев (подробнее об этом см., например: [Анисимов 2005]). По словам Б. А. Чмыхало, «[и]менно в поэзии “сибирская литература” обнаруживала банальную зависимость от “образцов”. И именно в поэзии проявлялась антихудожественная по существу роль “сибирской тенденции”» [Чмыхало 1992: 166].

¹⁶ Корпус претекстов едва ли ограничивается кругом поэтических произведений, ставших классическими. Специального изучения, безусловно, заслуживает вопрос о генетическом или типологическом характере связи поэтического корпуса СЗ с обширной традицией крестьянской поэзии, идущей от А. В. Кольцова и И. С. Никитина к И. З. Сурикову, участникам Суриковского литературно-музыкального кружка (которых

Н. В. Поселягин точно характеризует как представителей «мимикрического» типа культуры) и их многочисленным коллегам, позиционировавшим себя в литературном поле в качестве авторов «из народа». Другим направлением исследования должно стать рассмотрение стихотворной (и публицистической) продукции СЗ в перспективе народнического дискурса. Однако обсуждение всех этих вопросов выходит за рамки задач, стоящих перед авторами данной статьи.

Список источников

- [Б. п.] Вь горахъ еще морозъ // Сибирскія записки. 1916. № 1. С. 1.
- Броднева А. В. Кто вы, доктор Крутовский? Красноярск: Литера-Принт, 2014. 278 с.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1917. № 4–5. С. 103–112.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1918а. № 1. С. 55–65.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1918б. № 4. С. 89–96.
- В. К. Хроника областного движенія въ Сибири // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 70–76.
- Илимский Дм. Отъ распыленности къ организації (Очерки сибирской кооперации) // Сибирскія записки. 1916. № 1. С. 140–151.
- Кручинин В. Такмакъ // Сибирскія записки. 1917. № 2. С. 115.
- Морозов К. И. Текущая жизнь // Сибирскія записки. 1916. № 1. С. 128–139.
- Некрасов Н. А. Собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.; СПб.: Наука, 1981–2000.
- Потанин Г. Н. Изъ недавняго прошлаго // Сибирскія записки. 1916. № 1. С. 121–127.
- Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Запад.-Сиб. книж. изд-во, 1983. Т. 6. 336 с.
- Потанин Г. Н. Роман и рассказ в Сибири // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Запад.-Сибир. книж. изд-во, 1986. Т. 7. С. 219–238.
- Потанин Г. Н., Васильева М. Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / сост. Н. В. Васенькин, Г. И. Колосова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979.
- Редактор. От редакціи // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 2.
- Редакция. Отъ редакціи // Сибирская деревня. 1913. № 1. С. 2.
- Редакция. Передовая // Сибирскій Студентъ. 1914. № 1. Стб. 1–8.
- Редакция. От редакціи // Сибирскія записки. 1919. № 6. С. 115.

Томск: история города от основания до наших дней / отв. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.

Филимонов Ф. Весна // Сибирскія записки. 1917. № 3. С. 13.

Щеглов Н. Сибирская поэзія // Сибирскія записки. 1919. № 2. С. 22.

Список литературы

Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.

Анисимов К. В. Типологические аспекты русской литературы Сибири XIX – начала XX века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3. С. 141–148.

Анисимов К. В., Разувалова А. И. Два века – две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1(27). С. 75–101.

Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М.: Языки слав. культур, 2008. 312 с.

Киселев В. С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 544 с.

Перцов Н. В. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка: (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 30–56.

Перцов Н. В., Пильщиков И. А. О лингвистических аспектах текстологии // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 3–29.

Чмыхало Б. А. Молодая Сибирь: Регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 200 с.

Шапир М. И. О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // Шапир М. И. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М.: Языки рус. культуры, 2000. Кн. 1. С. 224–240.

Шапир М. И. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Шапир М. И. Статьи о Пушкине / сост. Т. М. Левина: изд. подгот. К. А. Головастиков, Т. М. Левина, И. А. Пильщиков; под общ. ред. И. А. Пильщикова. М.: Языки слав. культур, 2009. С. 265–274.

Шапир М. И. Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса) // Шапир М. И. Universum versus: Язык – стих –

смысл в русской поэзии XVIII–XX веков / под ред. А. С. Белоусовой и В. С. Полиловой, при участии С. Г. Болотова и И. А. Пильщикова. М.: Языки славянской культуры, 2015. Кн. 2. С. 145–150.

Шушкин В. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта–октября 1917 года // *Acta Slavica Iaponica*. 2016. Tomus. 37. P. 47–71.

References

Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Poetics of the Literature of Siberia in the 19th – early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2005. 304 p. (In Russ.)

Anisimov K. V. Tipologicheskie aspekty russkoy literatury Sibiri XIX – nachala XX veka [Typological aspects of Russian literature of Siberia of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Rossiyskogo Gumanitarnogo Nauchnogo Fonda* [Vestnik of the Russian Science Foundation for the Humanities], 2006, issue 3, pp. 141–148. (In Russ.)

Anisimov K. V., Razuvalova A. I. Dva veka – dve grani sibirskogo teksta: oblastniki vs. 'derevenshchiki' [Two centuries – two versions of the Siberian text: regionalists vs. 'village-prose writers']. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2014, issue 1 (27), pp. 75–101. (In Russ.)

Dobrodomov I. G., Pil'shchikov I. A. *Leksika i frazeologiya 'Evgeniya Onegina': Germenevticheskie ocherki* [Vocabulary and Phraseology of 'Eugene Onegin': Hermeneutical Essays]. Moscow, LRC Publishing House, 2008. 312 p. (In Russ.)

Kiselev V. S. *Metatekstovye povestvovatel'nye struktury v russkoy proze kontsa XVIII – pervoy treti XIX veka* [Metatextual Narrative Structures in Russian Prose of the Late 18th – First Third of the 19th Century]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2006. 544 p. (In Russ.)

Pertsov N. V. O sootnoshenii pis'mennoy i ustnoy form poeticheskogo yazyka: (K voprosu o funktsional'noy nagruzhenosti starogo russkogo

pravopisaniya) [The correlation between written and oral forms of poetic language (On the question of the functional load of the old Russian spelling)]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2008, issue 2, pp. 30–56. (In Russ.)

Pertsov N. V., Pil'shchikov I. A. O lingvisticheskikh aspektakh tekstologii [On the linguistic aspects of textology]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2011, issue 5, pp. 3–29. (In Russ.)

Chmykhalo B. A. *Molodaya Sibir': Regionalizm v istorii russkoy literatury* [Young Siberia: Regionalism in the History of Russian Literature]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical Institute Press, 1992. 200 p. (In Russ.)

Shapir M. I. O tekstologii 'Evgeniya Onegina' (orfografiya, poetika i semantika) [On the textology of 'Eugene Onegin' (orthography, poetics and semantics)]. Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk – stikh – smysl v russkoy poezii XVIII–XX vekov* [Universum versus: Language – Verse – Meaning in the Russian Poetry of the 18th–20th Centuries]. Moscow, Languages of the Russian culture Publ., 2000, book 1, pp. 224–240. (In Russ.)

Shapir M. I. Ob orfograficheskom rezhime v akademicheskikh izdaniyakh Pushkina [On the spelling regime in Pushkin's definitive editions]. Shapir M. I. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Ed. by I. A. Pil'shchikov. Moscow, LRC Publishing House, 2009, pp. 265–274. (In Russ.)

Shapir M. I. Mezhdru grammatikoy i poetikoy (O novom podkhode k izdaniyu Daniila Kharmisa) [Between grammar and poetics (On a new approach to the publication of Daniil Kharmis' texts)]. Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk – stikh – smysl v russkoy poezii XVIII–XX vekov* [Universum Versus: Language – Verse – Meaning in Russian Poetry of the 18th–20th Centuries]. Ed. by A. S. Belousova, V. S. Polilova with participation of S. G. Bolotov and I. A. Pil'shchikov. Moscow, LRC Publishing House, 2015, book 2, pp. 145–150. (In Russ.)

Shishkin V. Sibirskoe oblastничество v kontekste revolyutsionnykh sobytii marta – oktyabrya 1917 goda [Siberian regionalism in the context of the revolutionary events of March – October 1917]. *Acta Slavica Iaponica*, 2016, vol. 37, pp. 47–71. (In Russ.)

‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1916–1917)

The research was funded by the RFBR, Krasnoyarsk Territory
and Krasnoyarsk Regional Science Foundation, project No. 20-412-243001

Alexander Yu. Gorbenko

Associate Professor in the Department of World Literature and Teaching Methods

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev

89, Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation. al_gorbenko@mail.ru

SPIN-code: 7279-9864

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

ResearcherID: ABE-8533-2020

Vikentiy V. Chekushin

Associate Professor in the Department of Journalism and Literature

Siberian Federal University

82a, prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. viksha@bk.ru

SPIN-code: 9046-3576

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

ResearcherID: AAY-5954-2020

Submitted 26 Jul 2022

Revised 23 Sep 2022

Accepted 07 Nov 2022

For citation

Gorbenko A. Yu., Chekushin V. V. Zhurnal ‘Sibirskie zapiski’ kak metatekst: sistema ideologicheskikh implikatsiy (1916–1917) [‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1916–1917)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 75–84. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84 (In Russ.)

Abstract. The article attempts to reconstruct the system of ideological implications of the *Siberian Notes* journal published from 1916 to 1919 in Krasnoyarsk by Vl. M. Krutovsky, a follower of the ‘senior’ regionalists. One of Krutovsky’s main goals was to consolidate the local intelligentsia to solve social and political issues of the Siberian region. Unlike most other Siberian publications of that time, the first issue of *Siberian Notes* did not contain a program manifesto. That is why the study involves the entire corpus of the journal’s materials, considered as a metatext, to reconstruct ideological subtexts. At the beginning of the first issue was published the anonymous poem *Yet frost holds mountains in his diamond chains...*, which can be considered a metaphorical ‘replacement’ for a program article. The last stanza of the poem opens with the image of a sower, referring the reader to two classical pretexts: Pushkin’s poem *As freedom’s sower in the wasteland* and Nekrasov’s *To Sowers*. However, while Pushkin’s sower is unambiguously pessimistic and Nekrasov’s dismal picture of the present gives way to an optimistic forecast not localized in a specific time, the work of the author from *Siberian Notes* expresses confidence that the ‘crops’ of enlightenment will ‘sprout’ as soon as in the ‘coming spring’. The expectation of imminent socio-cultural changes determines the exploitation of ‘spring’-related metaphors – this corpus of images is regularly found in fictional texts. Journal authors believed in the inevitability of reforms, which were expected to improve the life of the region in the near future, but, from the beginning of 1918, significant changes are noted in the opinions expressed in the journal.

Key words: *Siberian Notes*; Vl. M. Krutovsky; Siberian regionalism; metatext; ideological implications.